ПОВѢРКА.

Было, говорятъ, гдѣ–то и когда–то присутственное мѣсто, въ которомъ засѣдало, между–прочимъ, нѣсколько членовъ изъ купечества. Люди эти, нельзя сказать, чтобы охотой на службу пошли: у каждаго изъ нихъ, кромѣ общаго блага, и свое собственное также было на умѣ; а служба, конечно, отнимала у нихъ много времени и заставляла иногда по неволѣ запускать свои дѣла. Лишь бы польза въ томъ была, такъ это бы все ничего: извѣстно, что собственнымъ своимъ благомъ надо жертвовать для блага общаго.

По обычному въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ порядку, господа члены эти не знали дѣла, да и не допускались вовсе секретаремъ къ дѣламъ, и, правду сказать, сами не очень о томъ тужили; они охотно принимали на себя съобща разныя издержки и пособія, лишь бы ихъ не слишкомъ отрывали отъ своихъ дѣлъ и не

подвели, при случаѣ, подъ обухъ. Подписать журналъ и десятокъ–другой бумагъ — это ихъ не черезчуръ обременяло, особенно, если не было никакихъ постороннихъ, непріятныхъ и неумѣстныхъ настояній о предварительномъ прочтеніи подписываемаго. Все это досаждаетъ, потому–что отнимаетъ время, обременяетъ голову, вводитъ иногда въ раздумье и притомъ ни къ чему не служитъ, какъ уже было дознано на опытѣ нашими членами неоднократно въ прежніе годы ихъ служенія. «Пробовалъ, братецъ, и читать» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ на совѣтъ пріятеля: «да еще хуже выходитъ.» Поэтому, роковые горюны отбывали свое трехлѣтіе, ходили во все это время подъ страхомъ Божіимъ и человѣческимъ, и если все благополучно проходило, то служили три молебна, на которыхъ, какъ замѣчено было всѣми, молились отъ избытка чувствъ и клали земные поклоны отъ усердія души, потомъ задавали обѣдъ, не жалѣя издержекъ, и предавались опять спокойно мирнымъ своимъ занятіямъ. Нѣкоторые,

однакоже, по какимъ–либо тревожнымъ случаямъ, сходили съ этого достохвальнаго поприща — если не калѣками, то по–крайней–мѣрѣ инвалидами, пожертвовавъ отечеству здоровьемъ своимъ и нѣсколькими годами жизни. Такъ бывали примѣры небольшихъ параличей, оставшагося навсегда біенія сердца и другихъ, большею частію нервическихъ недуговъ, которые услаждались для пріобрѣтателей ихъ развѣ одною только пользой, которую приносила такъ–называемая общественная служба ихъ всему страждущему человѣчеству.

При такомъ положеніи дѣлъ, милостивцы наши продали себя такъ–сказать секретарю, казначею, а отчасти и небольшому числу прочихъ чиновниковъ, которые распоряжались по собственному усмотрѣнію, застращивая членовъ, въ случаѣ какихъ–либо неумѣстныхъ сомнѣній, входящими и исходящими нумерами и шнуровыми книгами. И члены дѣлались послушными, смирными и покорными, не спорили, а молили только

Бога, чтобы трехлѣтіе благополучно миновалось.

Однажды, начальникъ узналъ стороной, что въ оговоренномъ нами мѣстѣ для строгаго и разборчиваго критика нашлось бы кой–гдѣ и кой–въ–чемъ по сучку и по задоринкѣ; а главное, что хуже всего, будто–бы и казна поступала въ ящикъ, подъ ключи и печати только временно, на одни сутки, наканунѣ урочнаго свидѣтельства; въ остальное же время казна эта была не мертвымъ, а живымъ капиталомъ, обращаясь тутъ и тамъ по рукамъ и принося казначею и секретарю небольшіе проценты. Чиновники эти были такъ снисходительны, что дозволяли даже и самимъ членамъ затыкать по–временамъ этими деньгами диры по торговымъ ихъ оборотамъ, съ тѣмъ, однакоже, какъ само собою разумѣется, чтобы члены эти, въ поощреніе на будущее время, платили за это и секретарю и казначею, каждому порознь, процента по два или по три на мѣсяцъ.

Объ этомъ–то узналъ мѣстный начальникъ. Не желая лѣзть въ петлю за другихъ, онъ тотчасъ принялъ въ–тихомолку свои мѣры. Ему бы ничего не стоило, какъ говорится, накрыть виновныхъ мокрымъ рядномъ; онъ могъ нагрянуть тотчасъ же съ шумомъ и громомъ, какъ снѣгъ на голову, потребовать казначея, секретаря, членовъ, освидѣтельствовать казну, заключить протоколъ объ отсутствіи ея, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ и проч.; но все это, какъ самъ онъ выражался, не обѣщало ему никакой пользы, кромѣ одного лишь вреда: при начетѣ и раскладкѣ, ему бы и самому не миновать своей доли, а за этимъ онъ вовсе не гонялся. И такъ, онъ началъ съ того, что сталъ поговаривать о безпорядкахъ, которые, какъ–де слухи до него доходятъ, оказываются вотъ въ такомъ–то мѣстѣ; «надобно добраться до этихъ господъ», продолжалъ онъ, «надобно порядкомъ до нихъ добраться: въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца непремѣнно буду тамъ и освидѣтельствую также казну.» Онъ съ намѣреніемъ далъ довольно–большой

срокъ, чтобы успѣли приготовиться и въ–особенности собрать и внести деньги. Дня за три, онъ сказалъ наконецъ своимъ приближеннымъ, что въ такой–то день, часовъ въ 10 утра, хочетъ туда нагрянуть. Онъ зналъ положительно, что все это будетъ передано туда отъ слова до слова въ тотъ же день, и потому спокойно выжидалъ назначенный имъ самимъ срокъ.

Прибывъ на мѣсто, начальникъ принялъ видъ, будто намѣренъ повѣрять дѣлопроизводство, началъ заглядывать въ настольный, потомъ во входящій, требуя на выдержку отчета по нѣкоторымъ нумерамъ. Затѣмъ вошелъ онъ въ присутствіе, занялъ мѣсто и просилъ членовъ продолжать свои занятія. Не смотря на троекратное повтореніе этой просьбы, т. е. приказанія, члены могли только отвѣчать подобострастнымъ поклономъ, взглянувшись между собою въ страшномъ недоумѣніи: обыкновенныя ихъ занятія состояли въ балагурствѣ такого рода, которое вовсе неудобно было продолжать въ присутствіи строгаго начальника. Онъ

обратился къ секретарю, указалъ на неразрѣшенныя бумаги, лежавшія отдѣльной кипой на столѣ, и приказалъ читать ихъ, обыкновеннымъ порядкомъ, какъ онъ выразился, хотя это здѣсь вовсе не былъ порядокъ обыкновенный.

Секретарь прочиталъ одну бумагу, начальникъ остановилъ его и спросилъ младшаго члена, какъ онъ думаетъ ее разрѣшить? Этотъ, не могши найтись въ такихъ трудныхъ и небывалыхъ обстоятельствахъ, счелъ за лучшее поклониться и отмолчаться. На повторенный вопросъ послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ. Начальникъ обратился къ слѣдующему члену, съ вопросомъ о его мнѣніи, но успѣхъ былъ тотъ же: глубокое молчаніе. Тогда начальникъ обратился къ третьему и сказалъ: «ну, а вы, я думаю, также одного мнѣнія съ этими господами?...»

Затѣмъ начальникъ всталъ, потребовалъ казначея, стряпчаго, спросилъ ключи, печать и пошелъ съ полнымъ присутствіемъ свидѣтельствовать казну. Онъ очень

хорошо зналъ, что все было на этотъ случай пополнено и деньги собраны, хотя и съ трудомъ, и притомъ только на на нѣсколько дней. Сумма была большая и, впрочемъ, оказалась вся въ наличности. Тогда похваливъ всѣхъ за исправность эту, въ которой–де онъ и никогда не сомнѣвался, начальникъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ приложить къ сундуку свои печати, а равно приложилъ и свою собственную, и нашелъ болѣе–удобнымъ, для избавленія членовъ отъ значительной отвѣтственности, особенно по недостатку особаго караула, передать денежный сундукъ для храненія на главную гауптвахту. Начальникъ не поскучалъ обождать до исполненія на дѣлѣ при немъ же этого распоряженія. Вслѣдъ затѣмъ, казначей былъ уволенъ.

У многихъ при этомъ, какъ говорится, лица вытянулись по шестую пуговицу; но деньги были спасены. Какимъ образомъ потомъ дѣйствительные и страдательные соучастники этой наличности между собою разсчитались — этого я не знаю.